

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

о нарушениях действующего законодательства, допущенных при проведении и утверждении историко-культурной экспертизы по адресу: Санкт-Петербург, набережная р. Мойки, 102, литера А».

1. Государственная экспертиза. Подготовка

Частью 1 ст.18 Федерального закона РФ N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» на КГИОП как на региональный орган охраны объектов культурного наследия возложена **обязанность обеспечить проведение государственной историко-культурной экспертизы выявленного объекта культурного наследия**. Согласно ст.28 упомянутого закона, государственная историко-культурная экспертиза проводится в целях обоснования включения объекта культурного наследия в единый государственный реестр памятников культурного наследия народов Российской Федерации, для определения категории историко-культурного значения выявленного объекта культурного наследия, а также для установления особого режима использования земельного участка, в границах которого располагается объект археологического наследия.

КГИОП может не только «обеспечивать» проведение государственной экспертизы, но и выступить её заказчиком. На эти цели из бюджета города и Минкультуры РФ ему выделяются определённые средства, поскольку именно на заказчика экспертизы возложена обязанность её оплатить. Однако в подавляющем большинстве случаев заказчиками государственной историко-культурной экспертизы выступают либо сами коммерческие структуры, заинтересованные в её результатах (строительные, проектные, реставрационные компании), либо аффилированные с ними организации. Следствием такого порядка могут быть не только очевидные конфликты интересов, но случаи откровенно заказного характера заключений экспертов.

Проводить экспертизу могут только специалисты, аттестованные Минкультуры РФ для проведения государственных историко-культурных экспертиз. Эксперты несут ответственность за соблюдение принципов проведения экспертизы и достоверность сведений, изложенных в акте государственной историко-культурной экспертизы. В акте государственной экспертизы должны быть указаны обстоятельства, которые могли повлиять на проведение и результаты экспертизы, если, по мнению проводивших её экспертов, таковые имели место.

В случае с выявленным объектом археологического наследия «Фундамент башни и корпусов северного крыла Литовского замка» заключение государственной историко-культурной экспертизы приобретало для застройщика поистине судьбоносное значение. Если бы государственная экспертиза подтвердила основные выводы, содержащиеся в семи томах научного отчёта Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, объект археологического наследия был бы включён в единый государственный реестр памятников культурного наследия народов Российской Федерации. Его статус охраняемого государством объекта практически исключал какое-либо хозяйственное освоение данной территории. Для строительства элитного клубного дома пришлось бы искать другое место. В самом оптимистическом для застройщика случае ему оставалось бы надеяться на согласование переделанного проекта дома, значительно меньшего объёма, сдвинутого вглубь участка от красной линии (как было примерно со снесённым зданием детского сада) и включающим проект музефикации фрагментов фундамента башни и корпусов северного крыла Литовского замка. Однако едва ли такое решение в коммерческом плане заинтересовало уже самого застройщика.

Таким образом, ставки оказались чрезвычайно высоки и объективно ставили коммерческие интересы застройщика в прямую зависимость от выводов экспертов. Этим по нашему мнению объясняется и тот факт, что выбор экспертов и подготовку государственной экспертизы КГИОП растянул более чем на год. Согласно Акту по результатам государственной историко-культурной

экспертизы она началась 16.06.2015 г. и завершилась 17.08.2015 г. представлением в КГИОП заключения экспертизы, продлившись 45 рабочих дней.

2. Государственная экспертиза. Участники

Заказчиком государственной экспертизы выявленного объекта культурного наследия «Фундамент башни и корпусов северного крыла Литовского замка» выступило ООО «ГородЪ», зарегистрированное 24.12.2010 г. в Санкт-Петербурге по адресу Тучков пер., д.5 лит. А, пом.5-Н. Его генеральным директором является Новицкая Татьяна Владимировна. Основным видом деятельности ООО «ГородЪ» при регистрации указано предоставление посреднических услуг, связанных с недвижимым имуществом. Почему именно эта никому неизвестная фирма выступила заказчиком государственной историко-культурной экспертизы выявленного объекта археологического наследия нам установить не удалось. Как и то, в каких отношениях она состоит с застройщиком участка или авторами проекта элитного клубного дома.

Для проведения государственной экспертизы были привлечены три эксперта: Беркович Владимир Адольфович, заместитель генерального директора ООО «Археологические изыскания в строительстве» (г. Москва, председатель экспертной комиссии); Кардаш Олег Викторович, директор АНО «Институт археологии Севера» (г. Нефтеюганск, эксперт) и Глинская Наталья Борисовна, заместитель генерального директора ООО «Научно-проектный реставрационный центр» (г. Санкт-Петербург, ответственный секретарь экспертной комиссии).

Так как местом проведения государственной экспертизы являлся город Санкт-Петербург, а объём документов, представленных на экспертизу одним только заказчиком, составил семь томов, становится понятным, что основная тяжесть работы выпала на долю ответственного секретаря комиссии Глинской Н. Б. Поскольку по чисто случайному совпадению двое из трёх членов государственной экспертной комиссии – Беркович В. А. и Кардаш О. В. – были аттестованы в

качестве экспертов для проведения государственной историко-культурной экспертизы приказом Минкультуры РФ от 16.06.2015 г. № 1793, то есть буквально в день начала работы комиссии.

В какой степени Беркович В. А. и Кардаш О. В., находясь в других городах и в свободное от основной работы время, сумели за 45 рабочих дней ознакомиться с представленной на экспертизу документацией, изучить иные источники и документы, принять участие в «изучении, систематизации и анализе всех представленных заказчиком материалов», в «осмотре современного состояния территории выявленного объекта культурного наследия и примыкающей территории квартала», а также принять участие в подготовке заключения комиссии судить сложно, поскольку в материалах комиссии на этот счёт сведений нет. Бросается, однако, в глаза, что в Акте государственной экспертизы нет стандартной фразы о том, что «обстоятельства, повлиявшие на процесс проведения и результаты экспертизы, отсутствуют», под которой должны стоять подписи каждого из экспертов.

В целом подписанный 17.08.2015г. Акт государственной историко-культурной экспертизы отличает и ряд других формальных на первый взгляд странностей. Остановимся на них, прежде чем перейти к рассмотрению содержательной стороны и выводов экспертизы.

3. Государственная экспертиза. Процедура

В Акте по результатам государственной историко-культурной экспертизы указано начало её проведения 16 июня 2015 года. До этого дня два члена комиссии - Беркович В. А. и Кардаш О. В.

не были официально аттестованы в качестве экспертов Минкультуры РФ. Аттестация Берковича В. А. истекла 24.02.2015г. (был аттестован на три года приказом Минкультуры РФ 24.02.2012г. № 135), аттестация Кардаша О. В. истекла 20.04.2015г. (был аттестован на три года приказом Минкультуры РФ 20.04.2012г. № 359).

Из всех возможных и доступных на начало экспертизы 250 аттестованных экспертов (из них 24 проживало в Санкт-Петербурге) заказчик по каким-то причинам выбрал для проведения государственной экспертизы и заключил договоры именно с этими двумя специалистами, чей срок аттестации истёк и не был продлён до 16.06.2015г. Между тем как к проведению экспертизы могут привлекаться только эксперты, аттестованные Министерством культуры РФ и включённые в перечень аттестованных экспертов, имеющих право проводить государственную историко-культурную экспертизу. Таким образом, заказчик экспертизы ООО «ГородЪ» по каким-то причинам до начала её проведения заключил договора с неаттестованными экспертами, не имеющими права проводить экспертизу, что является нарушением п.9 Постановление Правительства РФ от 15 июля 2009 г. N 569 «Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе». Либо договоры с экспертами были заключены после начала экспертизы, что также является нарушением п.6 указанного выше положения о государственной историко-культурной экспертизе.

Нарушенной оказалась вся процедура подготовки проведения экспертизы, предусмотренная Положением о государственной историко-культурной экспертизе. В частности, согласно требованиям п.12, перед началом проведения экспертизы экспертной комиссией проводится ее организационное заседание, на котором эксперты утверждают состав членов экспертной комиссии, избирают из своего состава председателя экспертной комиссии и ее ответственного секретаря, определяют перечень документов, запрашиваемых у заказчика для проведения экспертизы, а также решают ряд других важных вопросов, предусмотренных Положением о государственной историко-культурной экспертизе. Организационное заседание экспертной комиссии оформляется протоколом, подписываемым всеми ее членами.

Характер вопросов, выносимых на организационное заседание (например, распределение обязанностей между членами комиссии, определение перечня документов, запрашиваемых у заказчика) требует его проведения как минимум за несколько дней или накануне начала экспертизы, **то есть до 16.06.2015 г.** Отсюда следует вывод, что организационное заседание комиссии прошло при отсутствии аттестации у Берковича В. А. и Кардаша О. В., при этом первый был избран председателем государственной экспертной комиссии. Либо протокол организационного заседания государственной экспертной комиссии был фальсифицирован.

В свою очередь эксперты Беркович В. А. и Кардаш О. В. знали, что не имеют аттестации, однако дали согласие на участие в государственной экспертизе и вполне вероятно подписали договоры с ООО «ГородЪ» до своей аттестации. Это является грубым нарушением п.10 Положения о государственной историко-культурной экспертизе, согласно которому эксперт обязан отказаться от участия в проведении экспертизы, если ему «известны обстоятельства, препятствующие его привлечению к проведению экспертизы, либо не позволяющие ему соблюдать принципы ее проведения, установленные ст.29 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», в том числе если указанные обстоятельства стали известны ему в период проведения экспертизы». И далее в п.10 Положения говорится: «Заключение эксперта, в случае если указанные обстоятельства стали известны ему после оформления заключения экспертизы, считается ничтожным. **В случае если вывод такого эксперта повлиял на результат экспертной комиссии, экспертиза проводится заново».**

Пункт 5 заключения государственной экспертизы об ответственности экспертов, подписанного 17.08.2015г., составлен с очевидными упущениями, не содержит указания на обязанность экспертов следовать принципам проведения экспертизы, установленным ст.29 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», а также на обязанность экспертов при проведении экспертизы обеспечивать в полном объёме выполнение требований п.17 Положения о государственной историко-культурной экспертизе. Тем самым эксперты формально отказались признать свою закреплённую законом обязанность следовать принципам осуществления государственной экспертизы.

Пункт 6 заключения в качестве объекта государственной экспертизы определяет «документы, обосновывающие включение объекта культурного наследия в реестр». **Сам выявленный объект археологического наследия среди объектов государственной экспертизы не указан.** Это не соответствует ст.30 «Объекты историко-культурной экспертизы» Федерального закона РФ N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», которая в качестве главного объекта экспертизы обязывает рассматривать «выявленный объект культурного наследия» в целях обоснования целесообразности включения данного объекта в реестр. И только на третье место ставит документы, обосновывающие включение объекта археологического наследия в реестр. При этом состав и полноту этих документов закон никак не ставит в зависимость от пакета документов, предоставленных заказчиком экспертизы. Допущенное комиссией смещение акцентов в определении объекта экспертизы с собственно изучения и оценки объекта археологического наследия на интерпретацию представленного круга документов представляется не случайной ошибкой.

В этом же пункте Акта нарушено требование ст.28 Федерального закона РФ N 73-ФЗ, которая обязывает экспертов обосновать отнесение (или не отнесение) выявленного объекта археологического наследия «Фундамент башни и корпусов северного крыла Литовского замка» к одной из трёх возможных категорий историко-культурного значения: федеральной, региональной, муниципальной. Эта обязанность экспертов не упоминается среди целей государственной экспертизы, а сама тема категории выявленного объекта экспертами в заключении не поднимается.

Особой оценки заслуживают пп.7,8 Акта государственной экспертизы, в которых перечисляются документы, представленные по требованию экспертов заказчиком экспертизы ООО «ГородЪ», а также «собранные и полученные экспертами при проведении экспертизы, включая использованную для неё литературу». Судя по части 7 Акта, основную часть запрошенных у заказчика экспертизы документов составили научные отчёты ИИМК РАН за 2012-2014 годы, в которых содержится рекомендация включить объект археологического наследия «Фундамент башни и корпусов северного крыла Литовского замка» в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Никаких других авторитетных материалов, содержащих противоположные рекомендации, заказчиком экспертизы представлено не было. Тем более удивительно, что за 45 рабочих дней три эксперта из разных городов страны единодушно пришли к противоположным выводам, нежели целый отдел охранной археологии института РАН, проводивший детальные археологические изыскания на участке в течение трёх лет.

В п.8 Акта экспертизы перечисляются документы, самостоятельно «собранные и полученные экспертами при проведении экспертизы, включая использованную для неё литературу». Как видно из приведённого перечня, кроме общеизвестных нормативных актов, не имеющих прямого отношения к объекту экспертизы, эксперты ничего «собрать и получить» не сумели. Такой список документов должен присутствовать в любом акте государственной экспертизы, независимо от её объекта, что позволяет считать эту часть работы экспертов по самостоятельному сбору и

привлечению дополнительных документов и источников не выполненной и не соответствующей целям и принципам государственной экспертизы. Никаких документов или авторитетных литературных источников, опровергающих рекомендации ИИМК РАН включить выявленный объект в реестр, экспертами найдено не было. Отсюда следует неизбежный вывод: **отрицательное заключение экспертизы (отказ во включении в реестр) целиком и полностью отражает личное мнение экспертов и не подтверждается представленными документами и авторитетными литературными источниками.**

В этом же п.8 авторы экспертизы пишут о «полном списке всех **выявленных**» ими документов и материалов, использованных для составления исторической справки, а также о «**выявленной** иконографии» объекта экспертизы. В действительности авторы экспертизы зачем-то приписывают себе заслугу «выявления» документов и источников, которые давно и хорошо известны специалистам, изучающим историю Литовского замка, и которые никогда не являлись закрытыми или недоступными для исследователей.

Тем не менее, авторы экспертизы могут записать на свой счёт действительно уникальное в некотором роде заключение. Пожалуй впервые в истории проведения государственных историко-культурных экспертиз выводы трёх экспертов, в глаза не видевших выявленного объекта архитектурного наследия, единодушно опровергают выводы и рекомендации отдела охранной археологии Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Но что ещё более удивительно, и КГИОП и Минкультуры РФ согласились с выводами такой экспертизы и утвердили её заключение, хотя, на основании п.30 и п.31 Положения о государственной историко-культурной экспертизе, **были обязаны принять решение о несогласии с выводами экспертизы и назначить повторную экспертизу.**

4. Государственная экспертиза. Содержание.

Какие же проведённые исследования позволили членам комиссии единодушно опровергнуть выводы и рекомендации отдела охранной археологии ИИМК РАН, изложенные в письме от 20.03.2014г. № 14102/33.1-215.2.1-48? Об этом сказано в п.9 «Сведения о проведённых исследованиях» Акта государственной экспертизы. Оставим в стороне «**осмотр территории выявленного объекта и территории примыкающего квартала**» (указан первым по значимости среди проведённых исследований), так как осталось неясным, на какие результаты вывел комиссию этот осмотр. Поскольку после полевых исследований фундамента башни и корпусов Литовского замка, впервые в истории проведённого отделом охранной археологии ИИМК РАН в 2012-2014гг., все обследованные шурфы были засыпаны. В том числе и по причине «аварийного состояния зоны раскопа» в 2014 году (см. с.12 Акта государственной экспертизы).

«**Изучение, систематизация и анализ**» материалов исследований, проведённых в 2012-2014 гг. ИИМК РАН (указаны вторым по значимости среди проведённых исследований), то есть чтение чужого научного отчёта, содержащего рекомендацию включить выявленный объект в реестр, также не могли стать основанием для диаметрально противоположных выводов комиссии.

Остаётся, таким образом, один вид проведённого «исследования», скромно упомянутый в конце п.9: «**осмысление материалов археологического обследования**», проведённого ИИМК РАН в 2012-2014 гг., что, как прямо написано в Акте, «послужило основанием для выводов (заключения) экспертизы».

Таким образом, судя по п.9 Акта государственной экспертизы, проведённые экспертной комиссией исследования, положенные в основу её заключения, на практике свелись к

субъективному кабинетному «осмыслению» ранее сделанных выводов ИИМК РАН, не подкреплённому к тому же ни одним авторитетным мнением или документом.

В пункте 10 Акта приводятся факты и сведения, установленные комиссией в процессе «осмотра территории выявленного объекта и территории примыкающего квартала», а также «осмысления материалов археологического обследования», проведённого ИИМК РАН в 2012-2014 гг. Именно эти добытые комиссией «факты и сведения» были положены в основу её выводов. Так, на с.6 Акта государственной экспертизы комиссия признаёт установленным фактом результаты исследования ИИМК РАН, согласно которому на территории участка с конца XVIII века располагалась северная часть исторического Литовского (Тюремного) замка. Комиссия также признала со ссылкой на научный отчёт ИИМК РАН, что среди выявленных на участке в 2012-2014 гг. и атрибутированных объектов археологического наследия были фундаменты башни и корпусов северного крыла Литовского замка, датированные концом XVIII века (с.7 Акта государственной экспертизы).

Однако далее в подпункте 10.1 Акта комиссия попыталась выдвинуть собственную версию застройки участка и даже квартала в целом, в чём, безусловно, **вышла за рамки целей и задач, установленных для государственной экспертизы ст.28 Федерального закона РФ N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», подменив использование первоисточников их собственной, по большей части, тенденциозной интерпретацией.**

Так, на с.7 комиссия утверждает, что «авторство выдающегося архитектора И. Е. Старова и даты постройки Тюремного (Литовского) замка не подтверждены ни архивными документами (не найдены при проведении данной экспертизы), ни ссылками на источники. Эти сведения передаются лишь из публикации к публикации, и потому, могут быть даны в атрибуции здания как предположительные». Там же находим и следующее утверждение комиссии: **«выявленные на период проведения экспертизы и рассмотренные экспертами документы доказывают, что на территории выявленного объекта культурного наследия не располагалось здание Тюремного замка (Литовского замка) постройки 1780-х гг.»** На с.8 Акта комиссия утверждает: **«Основные постройки Тюремного замка (4 здания - в соответствии с Инвентарем Тюремного замка и планом из «Сенатского атласа» 1798 г.) находились в юго-восточной части тюремного участка (современного квартала) - на территории выявленного объекта культурного наследия не было этих строений».**

К. Ф. Кнаппе. Мойка у Тюремного замка. 1789

Между тем исследователям хорошо известны авторитетные источники (не «выявленные» экспертной комиссией), подтверждающие не только место и дату постройки Литовского (Тюремного) замка, но и в деталях передающих внешний вид его северного крыла, выходявшего на набережную Мойки и располагавшегося на участке выявленных объектов археологического наследия.

Например, в известном описании Литовского (Тюремного) замка, сделанном в 1794 году этнографом, врачом и путешественником И. Г. Георги, сказано: «Новопостроенный тюремный замок, оконченный в 1787 году, еще пуст и церковь в нем еще не освящена. Оный занимает левый угол, составляемый Мойкою и Никольским каналом в виде нерегулярного пятиугольника высотой в два яруса, с весьма толстыми стенами, железными воротами и снаружи без окошек, в ширину имеет оный только один ряд тюрем [камер] и ход перед всеми тюрьмами. Тюрьмы и окна в оных неодинаковой величины, но, впрочем, единообразны. Во всех окна сделаны высоко и на двор. В каждой тюрьме есть кирпичная печь, маленький кирпичный стол и стул, железные снаружи двери и в той же стене нужное место. Кухни несколько посветлее. Во втором ярусе все точно так, как в нижнем, мною здесь описанном. На всех пяти углах кровли находится по высокому круглому большому куполу, кои служат вместо кладовой. На дворе построена малая тюрьма, видом и вышиною подобная наружной... Двор шириною 6 сажень вокруг внутренней тюрьмы долженствует служить преступникам для пользования чистым воздухом» (Георги, И. Г. Описание Санкт-Петербурга. СПб, 1794. С. 98.).

А на известной картине академика живописи Карла Фридриха Кнаппе (1745-1808) «Мойка у Тюремного замка» из собрания Музея истории города, датированной 1789 годом, мы видим северное крыло Литовского (Тюремного) замка в его первоизданном облике, занимавшее участок на набережной Мойки как раз на месте нынешнего строительства элитного клубного дома. Понятно, окажись эти источники в руках экспертной комиссии, их сложно было бы «осмыслить» иначе, чем это сделали И. Георги и К. Кнаппе.

5. Государственная экспертиза. Выводы

Пункт 11 заключения государственной экспертизы, именуемый «Обоснование выводов экспертизы», по существу содержит не обоснование выводов, а ряд утверждений авторов экспертизы, выходящих за рамки установленных законом целей и задач государственной историко-культурной экспертизы. Примером может служить рассуждение на с.12-13 о, якобы, необоснованности выделения КГИОП отдельным объектом археологического наследия фундамента башни и корпусов северного крыла Литовского замка, а также о необоснованности установления границ выявленного объекта культурного наследия. По утверждению комиссии, к границам объекта археологического наследия должна быть отнесена вся территория, ранее занимаемая Литовским замком (что даже теоретически заведомо неосуществимо). В любом же ином случае, по мнению комиссии, границы объекта будут необоснованны, а сам объект в таком случае не может обладать признаками выявленного объекта археологического наследия.

Эти выводы комиссии прямо нарушают требования ст.3.1 и ст.28 Федерального закона РФ от 25.06.2002 N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», а также п. 16-ж Положения о государственной историко-культурной экспертизе, утверждённого постановлением Правительства РФ от 15.07.2009 г. N 569, согласно которым в цели государственной историко-культурной экспертизы не входит утверждение, изменение или «осмысление» границ выявленного объекта археологического наследия. Согласно п.3 ст.3.1 упомянутого закона, «границы территории объекта археологического наследия определяются на основании археологических полевых работ», а не экспертами, проводящими государственную историко-культурную экспертизу.

Рассуждения, которыми избилует п.11 заключения экспертизы, очевидно, имеют целью создать прецедент и придать видимость законности следующей ложной конструкции: если ранее была застроена часть территории утраченного исторического памятника, то и границы оставшейся территории с выявленными на ней археологическими объектами нельзя признать обоснованными, а сами обнаруженные археологические объекты – выявленными объектами культурного наследия. В действительности подобные «выводы» экспертов не имеют ничего общего с буквой и духом закона об охране культурного и исторического наследия, но поощряют недобросовестного застройщика.

На с.13-14 Акта в отношении результатов археологических раскопок, проведённых ИИМК РАН, комиссия использует следующий характерный приём: предположительные выводы научного коллектива академического института, проводившего археологические раскопки, опротестовываются категорическими выводами трёх экспертов, только читавшими научный отчёт первых и в глаза не видевших выявленные объекты археологического наследия. Особенно убедительным при этом выглядит аргумент с екатерининским пятаком 1782 года.

И далее в п.11 излагаются не выводы комиссии относительно доказанной принадлежности выявленного объекта археологического наследия «Фундамент башни и корпусов северного крыла Литовского замка» к утраченному памятнику архитектуры XVIII-XIX веков (здание которого, по мнению А. Бенуа, «принадлежало к лучшему, что было построено в классическом стиле в Петербурге»), а субъективные претензии экспертов к выявленному объекту в связи с его недостаточной изученностью и полнотой.

Так, на с.14 эксперты делятся выводом о том, что для них «основным источником информации о Литовском замке явились не археологические раскопки и находки, а архивно-библиографические исследования». При этом забывая, что объектом экспертизы являются именно археологические находки, сделанные на участке, а не Литовский замок в целом и его библиография.

Этот приём подмены понятий широко используется экспертами и в дальнейшем. Так, на с.15 читаем (стиль и орфография сохранены): «Выявлено, что сохранившиеся конструкции и материалы (бутовый камень, раствор, кирпич, дерево (лежни, шпунты)) - типичные для строительства Санкт-Петербурга кон. 18 - нач. 20 вв. Чисто утилитарные, типовые, изначально задуманные как подземные, конструктивные элементы. Не представляют ценности с точки зрения истории архитектуры, науки и техники (в частности, строительной). В процессе раскопок не было получено новой научной информации, которая могла бы дополнить или изменить представления об истории строительства Петербурга». Словно авторам государственной экспертизы неизвестно, к какому утраченному уникальному памятнику архитектуры, культуры и истории Санкт-Петербурга относится выявленный объект археологического наследия.

Там же на с.15 Акта читаем: «Большая часть оснований здания Литовского замка в границах исследованного участка (территории выявленного объекта археологического наследия) подверглась утратам и значительным разрушениям, в частности, в 20 в. при сносе замка». То есть выявленный объект археологического наследия имеет место быть в границах исследованного участка, но подвергся утратам и разрушениям при сносе замка в XX веке. Очевидно, по мнению экспертов, это – основание для отказа во включении в реестр, что и должно привести к скорому окончательному разрушению объекта археологического наследия. Это подтвердили и события 14 декабря 2015 года, сценарий которых был подсказан в заключении экспертизы: «С учетом полной утраты архитектурного сооружения - здания Литовского замка (разрушений при пожаре в 1917 г. и разборки здания в 1929 г.) произошла утрата подлинности и аутентичности, материальная утрата объекта недвижимого имущества».

На с.16-18 авторы заключения повторяют собственные ошибочные утверждения об отсутствии сведений об облике Литовского замка в 1780-е гг. и ранний период 1798-1825 гг., о незастроенности этого участка вплоть до начала XIX века и появления на нём башни **«точно не ранее 1798-1825 гг.»**, а также о необоснованности (по их мнению) восстановления отдельных частей Литовского замка на северном участке квартала по наб. р. Мойки, 102, по причине их композиционной незавершенности, а также отсутствия мемориальной ценности. Утверждение экспертов о том, что «объемно-пространственное и архитектурное решение здания Литовского замка выдающимися зодчими-современниками не оценивалось как ценный «шедевр», требующий сохранения первоначальных авторских форм», опровергается приведённой выше оценкой выдающегося историка искусства А. Бенуа.

На с.18 авторы экспертизы, игнорируя известные факты и результаты археологических исследований, заявляют о, якобы, «доказанности ими застройки северной части исторического участка **позднее строительства тюремного замка**». Там же в п.11.5 эксперты делают ещё один парадоксальный вывод относительно судьбы выявленного объекта археологического наследия: **«сохранить обнаруженные элементы in situ невозможно»** по причине...постепенного разрушения объекта в связи с влажностью, постоянным подтоплением, так как объект располагается ниже уровня грунтовых вод и вблизи русла р. Мойки и Крюкова канала».

В совокупности эти настойчивые перечисления авторских, не подтверждённых ссылками на авторитетные источники утверждений, имеющих к тому же признаки тенденциозности, авторы экспертизы сделали основным содержанием п.11 заключения. Наряду с другими выше отмеченными нарушениями они не могут не наводить на мысль о заказном характере экспертизы и очевидной недостоверности её основных выводов.

Примером сказанного является и резюмирующее утверждение экспертов на с.19: «Итак, по результатам экспертизы выявленный объект ... археологического наследия «Фундамент башни и корпусов северного крыла Литовского замка», расположенный на земельном участке по адресу: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 102, был полностью исследован и изучен в соответствии с законодательством, сведения о нем проанализированы и зафиксированы в соответствующей нормативам форме, подлежат сохранению в Архивном фонде Российской Федерации и Музейном фонде Российской Федерации. Не выявлены особенности, которые могут быть основанием для включения объекта в реестр как объекта археологического наследия». Между тем, как выше было показано: выявленный объект археологического наследия не был полностью исследован и изучен в соответствии с требованиями законодательства. Был нарушен закон в отношении процедуры и порядка проведения государственной экспертизы. Без оценки экспертов остались источники, подтверждающие факт возведения в 1780-е годы на исследованной территории северного крыла Литовского (Тюремного) замка с угловыми башнями и дающие детальное представление о его внешнем облике и архитектурных особенностях. Эксперты проигнорировали многочисленные материалы, подтверждающие историческую и культурную ценность утраченного здания Литовского замка в целом и «Фундамента башни и корпусов северного крыла Литовского замка» в частности для сохранения представления современников и потомков об облике исторического центра Санкт-Петербурга.

Двусмысленно выглядит и содержащееся в заключении экспертизы утверждение о не выявленных особенностях, «которые могут быть основанием для включения объекта в реестр как объекта археологического наследия». Напротив, с одной стороны, эти особенности названы и описаны в рассмотренных экспертами материалах отдела охранной археологии ИИМК РАН. С другой стороны, авторы экспертизы действительно не стремились к выявлению этих особенностей, ставя перед собою иные задачи, чему в тексте заключения экспертизы находятся многочисленные косвенные подтверждения. Кроме того, экспертам могло элементарно не хватить для этого времени. Поскольку, например, ответственный секретарь экспертной комиссии

Глинская Н. Б. одновременно проводила четыре государственные экспертизы, из которых в двух была ответственным секретарём комиссии и ещё одну экспертизу проводила в качестве единственного эксперта. Также обращает на себя внимание, что среди как минимум восьми государственных экспертиз, в которых Глинская Н. Б. участвовала с апреля по ноябрь 2015 года, только по одной – «Фундаменту башни и корпусов северного крыла Литовского замка» - было дано отрицательное заключение.

Приведём полностью итоговый вывод государственной историко-культурной экспертизы: «Представленная заказчиком (см. п.7 Акта) и полученная экспертами в процессе проведения экспертизы документация является полной и исчерпывающей для обоснования выводов. На основании анализа этой документации экспертная комиссия приходит к выводу: не обосновано (отрицательное заключение) включение в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленного объекта археологического наследия «Фундамент башни и корпусов северного крыла Литовского замка», расположенного на земельном участке по адресу: набережная реки Мойки, д. 102».

Сформулированный комиссией вывод стал логичным итогом линии на выборочное и тенденциозное «осмысление» источников по теме и материалов археологического обследования, проведённого в 2012-2014 гг. на участке отделом охранной археологии ИИМК РАН. Как было показано выше на примере ряда «невывявленных» экспертами принципиальных источников, полученная в процессе проведения экспертизы документация не может быть признана полной и исчерпывающей для объективных выводов. На основании ст.30 Положения о государственной историко-культурной экспертизе, региональный орган охраны объектов культурного наследия должен был письменно уведомить заказчика о несогласии с выводами экспертизы с указанием мотивированных причин несогласия и назначить повторную экспертизу с новым составом экспертов.

Региональный орган охраны объектов культурного наследия должен также рассмотреть вопрос об ответственности экспертов Берковича В. А., Кардаша О. В., Глинской Н. Б. за несоблюдение принципов проведения экспертизы, установленных ст.29 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», а также требований п.17 Положения о государственной историко-культурной экспертизе.